

ВЕЛИКИЙ МИСТИФИКАТОР ИСААК БАБЕЛЬ

Писатель дразнил свою жену-сибирячку «евреечкой» да «жидовочкой»...

Независимая газета. — 1998. — 16 янв. — с. 9

АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА, насколько разнится, с вашей точки зрения, отношение к Бабелю у американских и российских критиков...

— Так сложилось, что на книгу моих воспоминаний, составленных наряду с воспоминаниями близких и друзей Бабеля, в России не было ни одной рецензии. Здесь же, в США, напечатали уже более 20... Причем каждая, согласно словам моего внука Андрея (который

помогает мне разбираться с английским), лучше и продуманней предыдущей. В них, как правило, рассказывается не только о наших взаимоотношениях с мужем или же деталях именно его биографии, но и об атмосфере жизни интеллигенции того периода... Когда я выступаю в различных американских книжных магазинах-клубах (не только в Вашингтоне, в предместье которого мы живем, но и в Нью-Йорке), аудитория задает довольно-таки толковые вопросы. Вот и своей недавней университетской встречей, организованной, по-моему, с подачи Лены Краснощековой, прокомментировавшей в 1966 году одноименник Бабеля, я вполне довольна...

По правде сказать, я сейчас больше сконцентрирована на написании воспоминаний о собственной жизни. Работа продвигается медленно — разные дела отнимают время. К тому же пишу, как и Бабель, от руки... Пишу главным образом для внука Андрея и большей частью — о своей метростроевской жизни...

— Вы ведь познакомились с Бабелем именно по «метростроевской линии»? К тому времени он был уже женат и имел дочь Наташу?

— По металлургической. Познакомились мы в 1932 году на домашнем обеде у Ивана Павловича Иванченко, начальника Востокстали — управления металлургическими заводами Востока и Сибири. Кстати, тогда же я и узнала, что Бабель был женат: принося извинения за свое опоздание, он пояснил собравшимся, что задержался в Кремле, обговаривая разрешение, чтобы навестить в Европе жену, Евгению Борисовну Грофайн, и трехлетнюю дочь (которую к тому времени ни разу еще не видел). Судя по все-

Имя Антонины Николаевны Пирожковой, вдовы Исаака Бабеля, известно в России в литературоведческих кругах. Инженер-транспортник по специальности, она подготовила к изданию несколько книг, связанных с Бабелем. Среди них — «Бабель в воспоминаниях современников» (М.: «Советский писатель», 1972), «Воспоминания о Бабеле» (М.: «Книжная палата», 1989) и двухтомник «Избранное» (М.: «Художественная литература», 1990). В США на английском языке была издана книга ее мемуаров «By His Side» («Годы, прошедшие рядом»).

Около двух лет назад 88-летняя вдова писателя вместе с дочерью Лидией (р.1937) переехала на постоянное место жительства в США — к семье внука Андрея. В настоящее время живет в Вашингтоне.

му, он заинтересовался мною помимо всего прочего и потому, что, будучи инженером-строителем знаменитого Кузнецкстроя, я была не слишком типична для его окружения.

Помню, Бабеля тогда еще потрясло, что я ни разу не пробовала водки. После неоднократного: «Если вы настоящий инженер-строитель, вы просто обязаны уметь пить водку», — я сочла-таки нужным выпить не поморщившись... После этого вечера увлекающийся конными скачками Бабель стал приглашать меня на ипподром... Потом же, когда бега (в придачу к походам на различные выставки) нас окончательно сдружили, он пригласил меня в Молоденово, подмосковную деревеньку, где он тогда проводил большую часть своего времени... Кстати, с самого первого момента нашего знакомства и до последнего дня мы с Бабелем постоянно обращались друг к другу на «вы».

— Наверное, именно в Молоденово писатель, дабы иметь более четкое представление о современной сельской жизни, бесплатно работал в колхозном правлении? Его друзья считали этот поступок одной из причуд Бабеля, которыми он славился.

— Муж любил познавать жизнь во всех ее проявлениях. К тому же он по натуре был большим мистификатором. Со мной, к примеру,

Антонина Пирожкова с Исааком Бабелем в Молоденово.

он любил бесконечно играть — то в умирающего (при этом знакомя меня с богатой палитрой еврейских стонov), то чрезмерно ревнивого...

— Недолговременное сотрудничество вашего мужа с иностранным отделом Петроградского ЧК, очевидно, тоже было связано с желанием познать еще одну сторону жизни?

— Были утверждения, что в бытность работы там Бабель спускался в подвалы, наблюдая мучения обреченных... Мы с мужем никогда на эту тему не говорили, а его работа в этом учреждении приходится на период довольно-таки долгий до нашего знакомства. Впрочем, для меня однозначно ясно, что Бабель был нужен иностранному отделу ЧК именно как прекрасно владеющий несколькими языками, переводчик...

Помню, как спустя много лет, обеспокоенный сгущающимися тучами над своей головой, Бабель отвалился посветоваться с Ягодой относительно того, как держаться, «если привлекут». Тот предельно четко дал понять, что «надо все отрицать и на любой вопрос отвечать — нет»...

— А регулярное посещение дома начальника НКВД Ежова — это тоже своего рода познание жизни либо мистификаторство? Или же дань многолетнему, еще с одесских времен, знакомству с женой Ежова Евгенией Соломоновной?

— Верно, муж знаком был с ней еще с того момента, когда она работала в одном из одесских издательств. Потом же, став женой Ежова, она, следуя традиции кремлевских жен, организовала свой литературный салон. Там собирались самые различные люди — и Бабель, и Микоэлс, и Утесов... Кстати, по рассказам мужа, Ежов в этих вечеринках никогда никакого участия не принимал. Да и собравшиеся, как только видели в окошко, что к дому подъезжал Ежов (утверждали, что иногда его подвозил сам Сталин), сразу же быстренько разбежались по домам...

— Вы бывали там, Антонина Николаевна?

— А что мне было там делать?! Я была совершенно другим человеком. И дело отнюдь не в 15-летней разнице с мужем; просто мир моей работы был более интересен мне. Обожала обсуждать чертежи. Бабель временами делал вид, что ревнует меня к моей работе. Как-то даже вызвался проползти на коленях до Метропроекта, моей конторы, вымаливая, чтобы я оставила службу... Я после замужества не бросила работать. Соответственно, никак не могла ни сопровождать Бабеля в его поездках по стране, ни общаться с его коллегами. Тем более — с кремлевскими чиновниками и их окружением. Впрочем, он и не настаивал на том, чтобы я налаживала контакты с кремлевскими дамами. Более того, всячески оберегал меня от подобных удовольствий. В начале 30-х годов при Союзе писателей создавались различные женские комитеты и женсоветы, в которых литературские жены должны были общаться, помните?

Бабель же всегда убеждал меня, что я, инженер-метростроевец, окружена более естественной (даже, можно сказать, чистой) атмосферой по сравнению с писательской средой. Помню, как он сказал однажды: «Как правило, большинство известных мне литературских жен крайне фальшивы. Они легко изменяют своим мужьям да и ведут себя довольно-таки искусственно... Так, перед выходом «в свет» старательно репетируют выражение лица, которое надо иметь при беседе о Маяковском, или же гримасы, которые надо делать при упоминании Есенина...»

Сам же Бабель, словно не желая, чтобы я потеряла свою сибирскую непосредственность и естественность на все попытки вовлечь меня в какую-нибудь околосредствую деятельность, отсекал всех двумя фразами: «Моя же на — трудящаяся женщина,

(Окончание на стр. 2)